

Пространственность и временность художественного смысла

Юрий В. Подковырин

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Россия, mail1981@list.ru*

Аннотация. В данной статье исследуется то, как пространственные и временные характеристики мира литературного произведения определяются специфической актуализацией художественного смысла. Специфика художественного смысла в статье описывается с помощью понятия инкарнации (воплощения). На примере анализа текстов А.Е. Крученых и М.Ю. Лермонтова автор статьи показывает, как пространство и время осмысливаются в кругозорах героев (во внутреннем семантическом измерении произведения) и в кругозорах автора и реципиентов (во внешнем – эстетическом – смысловом измерении текста). Автор статьи указывает на ряд значимых отличий между семантикой пространства и времени в жизненном и художественном контекстах осмысления. Характеристики жизненного осмысления пространства и времени: 1) пространство и время осмысливаются *телеологически*; 2) пространство и время семантически артикулируют *частную* жизненную ситуацию; 3) пространство и время – координаты осмысливающего *отношения* к миру. Характеристики художественного осмысления пространства и времени: 1) пространство и время осмысливаются *онтологически*; 2) пространство и время семантически артикулируют *целое* жизни героев; 3) пространство и время – координаты *расположения* бытия героев как инкарнации его (бытия) смысла.

Ключевые слова: смысл, инкарнация, интерпретация, читатель, герменевтика, пространство, время, хронотоп

Для цитирования: Подковырин Ю.В. Пространственность и временность художественного смысла // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 172–181. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-172-181

Spatiality and temporality of artistic meaning

Yuri V. Podkovyrin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Moscow University for Industry and Finance “Synergy”,
Moscow, Russia, mail1981@list.ru*

Abstract. The article studies how the spatial and temporal characteristics of the world in a literary work are determined by the specific updating of artistic meaning. The specifics of the artistic meaning in the article are described using the concept of incarnation (embodiment). Using the example of the analysis of texts by A.E. Kruchenykh and M.Y. Lermontov, the author of the article shows how space and time are comprehended in the horizons of the heroes (in the internal semantic dimension of the work) and in the horizons of the author and recipients (in the external – aesthetic – semantic dimension of the text). The author of the article points out a number of significant differences between the semantics of space and time in the life and artistic contexts of comprehension. Characteristics of the vital understanding of space and time: 1) space and time are comprehended teleologically; 2) space and time semantically articulate a private life situation; 3) space and time are the coordinates of the comprehending relationship to the world. Characteristics of artistic understanding of space and time: 1) space and time are conceptualized ontologically; 2) space and time semantically articulate the whole of the characters’ lives; 3) space and time are the coordinates of the location of the heroes’ being as an incarnation of their (being) meaning.

Keywords: meaning, incarnation, interpretation, reader, hermeneutics, space, time, chronotope

For citation: Podkovyrin, Yu.V. (2022), “Spatiality and temporality of artistic meaning”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, part 2, pp. 172–181, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-172-181

Пространство и время являются одними из наиболее обсуждаемых аспектов литературного произведения. В литературоведении разработано множество подходов к интерпретации смысла (значения, семантики) тех или иных сторон художественного времени и/или пространства в текстах различных эпох и жанров (отметим только некоторые из последних работ: [Пахсарьян 2017; Пинаев 2015; Gomel 2014; Haekel 2021]); также художественные время и пространство рассматриваются как важнейшее «средство» постижения смысла произведения как целого [Бахтин 2012, с. 340–503; Каширина 2006; Фуксон 2014]. Вместе с тем в гораздо меньшей степени изу-

чено то, каким образом *специфика* художественного смысла связана (и всегда ли имеет место такая связь) с пространственно-временной организацией произведения. Иначе говоря, изучение пространства и времени в литературе с позиций теоретической и исторической поэтики должно быть дополнено рассмотрением с позиций герменевтики. Именно поэтому в центре внимания данного исследования – не смысловые характеристики пространства и времени в литературном произведении, а пространственность и временность самого художественного смысла. *Целью* работы является выявление и описание того, как пространственно-временная развернутость литературного произведения (точнее, его *эстетического объекта* [Бахтин 2003, с. 275]) определяется специфическим характером актуализации художественного смысла в событии эстетического общения.

В первую очередь, необходимо выяснить, насколько важной является связь между осмысленностью литературного произведения и пространственно-временной развернутостью его мира. Сомнение в обязательности такой связи поддерживается тем, что имеются многочисленные примеры текстов, в которых, на первый взгляд, отсутствуют какие-либо указания на пространственно-временные характеристики. К числу таких текстов относятся, к примеру, произведения поэтического авангарда, а именно тексты «заумные»¹.

Рассмотрим один «хрестоматийный» пример, 1-е из трех стихотворений «на собственном языке» из книги А.Е. Крученых «Помада» («Дыр бул щыл...»)².

Можно ли вообще к этому стихотворению применять категории «пространства», «времени», «мира»? Если связывать пространственность и временность эстетического «плана» произведения исключительно с теми пространственно-временными характеристиками, которые представлены в высказываниях героев как субъектов жизненного общения, то, действительно, данное стихотворение кажется практически лишенным пространственно-временной артикуляции. Конечно, можно, опираясь на звуковые ассоциации, соотнести, например, комплекс звуков (букв) «дыр» со словом «дыра», «щыл» со словом «щель» [Janecsek 1996, с. 59] и т. п., но все подобные ассоциации являются более или менее случайными, при этом не все «слова» данного текста вообще вызывают

¹ Терёхина В.Н. Заумь // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Глав. ред. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. Ст. 277–278. См также: [Janecsek 1996, с. 1–48].

² Крученых А. Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. С.Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 2001. С. 55.

какие-либо ассоциации. Однако пространство и время не только неким образом осмысливаются и оцениваются героями: само их бытие (в стихотворении А. Крученых это бытие представлено прежде всего как *словесное* бытие) определенным образом проектируется и временится. Пространство и время этого стихотворения – это, в первую очередь, время и место высказывания субъекта (субъектов?) речи. По причине «заумности» высказывания это пространство-время предстает, с одной стороны, *максимально сжатым* (до пределов «тела» самого высказывания): можно сказать – это «минус-пространство» и «минус-время». С другой стороны, та же «заумность» высказывания, обуславливающая, в частности, внутреннюю недифференцированность пространства и времени, инкарнирует семантику *универсальности, космичности*: это «слова», звучащие не из какого-то *конкретного* места и времени, а, так сказать, из «мира вообще», но – другого, *инакого* (на что указывает инакость «собственного языка» стихотворения).

Вместе с тем мир героев стихотворения (фактически приравненный, как уже было сказано, к высказыванию) – это лишь *отчасти* инакий, «собственный» мир. Так, «заумность» высказывания проявляется в тексте только на уровне словоформ (да и то не всех), но не на уровне звуков и букв (это звуки русского языка и буквы русского алфавита). Таким образом, в стихотворении актуализируется смысловое напряжение, возникающее между полюсами привычного и нового, общепринятого и «собственного». Высказываясь на «заумном языке», субъект речи, с одной стороны, заявляет о своем бытии, обозначает его пространственно-временные границы, практически совпадающие, как уже было сказано, с границами высказывания. Последнее обстоятельство указывает на тождественность (в контексте *данного* произведения) бытия и слова. С другой стороны, в силу опять же «заумности» высказывания пространственно-временные границы бытия героя выступают как неотчетливые, эфемерные: он одновременно *где-то* и *нигде определенно*, посредством слова, голоса (начертания букв) *заявляет о себе и скрывает себя*.

Именно на фоне обозначенных выше смысловых характеристик целого стихотворения (а не внешне-жизненных ассоциаций), которые в существенной мере – характеристики пространственно-временные, оказывается возможной художественная интерпретация образа дыры, актуализированного первым же «словом» текста. Дыра (дыры?) – пространственный образ, соединяющий в себе семантику одновременно присутствия и отсутствия, бытия и небытия. Но также, хотя и менее отчетливо, подспудно, в образе дыры инкарнирована семантика *размыкания границ, перехода* между различными пространственно-временными (смысловыми)

сферами (в дыру нечто может уйти, укрыться, но нечто (некто) может и появиться оттуда). В самом «образе языка» стихотворения акцентирован момент переходности: «собственный язык» строится из материала известного (русского) языка, только по отношению к общеизвестному он может самоопределиться как новый. «Совпадение» пространственно-временных границ бытия героя с границами высказывания указывает на особую – онтологическую – «весомость» слова в мире произведения. «Равенство» мира и слова, представленное в тексте, косвенно высвечивает целый ряд смыслов, связанных с поэтическим творчеством (именно в поэтическом сознании бытие и слово максимально сближены). Относительно мира обыденного языка пребывая *нигде* («заумное» высказывание – речевое обозначение отсутствия, подчеркнутого и рассмотренным выше образом «дыры»), герой находится в «собственном» – всецело вербализованном – мире.

Инкарнация смысла этого стихотворения, как и любого литературного произведения, предполагает пространственно-временное *о-предел*-ение бытия героев. Установление таких пределов является необходимым моментом самоистолкования произведения. Самоистолкованием оно является относительно героя как субъекта эстетического общения; по отношению к автору – это творческое и понимающее наделение бытия героев пространственно-временными границами; по отношению к читателю – выявление таких границ в акте интерпретации. В тексте Крученых пространственно-временные характеристики, по причине «совпадения» границ бытия героя с границами высказывания, не бросаются в глаза, но это не значит, что они отсутствуют.

Во внутреннем смысловом континууме произведения пространство и время *истолковываются* посредством слов и поступков. В эстетическом смысловом контексте пространство и время как характеристики бытия героя *сами его истолковывают*; пространственно-временная конкретизация бытия героя предстает важнейшим эстетическим – совершаемым посредством инкарнации смысла – *способом истолкования* жизни.

Рассмотренный текст Алексея Крученых демонстрирует, что даже в текстах, в которых пространственные и временные образы непосредственно не представлены, художественное осмысление – в силу онтологизации – прочно связано с установлением пространственно-временных границ. Обратимся к более традиционно-му материалу – лермонтовскому стихотворению «Узник» (1837)³.

³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихотворения / Отв. ред. тома Н.Г. Охотин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 227–228.

Пространственные и временные образы в стихотворении Лермонтова представлены, в отличие от предыдущего текста, довольно многообразно и непосредственно в высказывании лирического субъекта: «отворите... темницу», «степь», «окно тюрьмы», «дверь тяжелая», «пышный терем», «стены голые кругом», «тишина *ночная* (курсив наш. – Ю. П.)» и т. д. Каковы же смысловые параметры данных элементов произведения? Адекватный ответ на этот вопрос невозможен прежде всего без учета смысловой *многомерности* произведения. Пространственные и временные подробности, с одной стороны, осмысливаются лирическим субъектом изнутри «жизненного мира», с другой стороны, – соотносятся с эстетическим коммуникативно-смысловым контекстом. Рассмотрим подробнее связь пространственно-временных характеристик и смысла в жизненном и эстетическом «планах» стихотворения.

Уже первая строка стихотворения, представляющая собой обращение лирического «я» к неопределенным адресатам («Отворите мне темницу...»⁴), демонстрирует связь конкретной части пространства – *темницы* – с определенным отношением-осмыслением героя. Это отношение можно определить как *желание свободы*. Именно в рамках такого отношения, обусловленного, главным образом, смысловой оппозицией свободы и заключения, «темница» из физического объекта преобразуется в ценность, становится элементом пространства в гуманитарном и актуальном для искусства смысле. Пространство и время организуются как *некое единство, континуум* относительно определенного *полюса*, а именно – *смысловой инстанции личности* (в «Узнике» – это прежде всего лирический субъект). Вне такого отнесения пространство и время предстают как абстрактные вместилища чисто внешне соотносенных друг с другом объектов и процессов (так, «темница» и «степь» без отнесения к осмысливающей позиции «узника» вообще не увязываются друг с другом, во всяком случае такое увязывание не имеет никакого смысла). В контексте озабоченности героя свободой («волей») в его сознании и высказывании выделяются стены и дверь, высота первых и тяжесть второй, а также ночь как время суток, соответствующее «темнице» (тогда как за ее пределами – «сиянье дня»). Для другого же осмысливающего субъекта, например упоминаемого в тексте «часового», пространство и время артикулируются, по всей видимости, иначе, поскольку для него смысловая оппозиция свободы и заключения не имеет такой актуальности, как для узника. Следовательно, пространство и время только потому открываются жизненному осмыслению, что жизнь личности

⁴ Там же. С. 227.

по отношению к своему *телеологическому* смысловому горизонту (горизонту житейских забот и чаяний) определенным образом расположена и ориентирована. Для «узника» телеологический смысловой горизонт определяется названной выше оппозицией свободы и заключения, для «часового» – кругом его профессиональных обязанностей и т. д. Пространство и время представляют собой основные формы разметки житейской озабоченности личности. Это конститутивы осмысливающего отношения личности к себе, собственной жизни. Человек (в литературном произведении – герой) прежде всего проживает (осмысливает) жизнь как нечто *временное (длящееся)* и *локальное (простирающееся)*.

Теперь перейдем к рассмотрению того, как пространство и время соотносятся со смыслом в эстетическом коммуникативно-смысловом «плане» произведения. Обратимся еще раз к тексту «Узника». Если в кругозоре лирического героя как субъекта жизненного общения пространственно-временные координаты очерчивают горизонт *частно-жизненной* заботы героя (это всегда пространство и время конкретной ситуации, в данном случае – ситуации заключения), то в авторском эстетическом кругозоре те же пространственно-временные характеристики соотносятся со смыслом жизни героев как *целого*.

Нужно подчеркнуть, что в авторском кругозоре находятся *те же* пространственно-временные подробности, что и в кругозоре героя, но они имеют *иной, не ситуативный*, смысл. Присутствующая в кругозоре и высказывании героя пространственная и ценностная оппозиция заключения и свободы в авторском «внежизненном» осмыслении проецируется на жизнь героя как целое, а не только на частную ситуацию, отрезок жизни. Это уже не частная (чреватая изменениями в открытом и незавершенном контексте жизни) и, в той или иной степени, случайная отнесенность героя ко времени и пространству, а необходимая *расположенность* бытия героев как целого. Располагаясь определенным – пространственно-временным – способом бытие в контексте эстетического общения истолковывает себя. Обратим внимание на ряд подробностей, на то, какой новый смысл они приобретают в *оцеляющем* (относительно неизбежно фрагментарного кругозора героя) авторском осмыслении. Так, «умирающий» огонь значит уже не просто *слабый* (ср.: «тускло светит луч лампы»⁵), *гаснущий*; данный словообраз напрямую отсылает к *смерти*, ограниченности человеческого существования. Равным образом «звучно-мерные» шаги «часового»

⁵ *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихотворения. С. 227.

не только оттеняют «тишину» в темнице, а буквально отмеряют «часы» героя, срок его жизни (здесь стоит обратить внимание на связь слов «часовой» и «час»). Образ «темницы» как ограниченного пространства со всеми его атрибутами, проецируясь на жизнь героя в целом, репрезентирует и временную ограниченность.

«Узник» в эстетическом ракурсе осмысления – это не конкретно-социальная характеристика отдельного лица, а *положение человека вообще*. Такое обобщение совершается в стихотворении Лермонтова не в результате отвлечения от конкретной пространственно-временной расположенности человеческого бытия, а как раз *благодаря* такой расположенности. Если в известном стихотворении Есенина «каждый в мире странник» («Отговорила роща золотая...»), то текст Лермонтова «говорит» примерно следующее: «каждый в мире – узник». Разумеется, такое определение предельно упрощает смысл стихотворения, как, впрочем, будет упрощением любая словесная фиксация инкарнированного, «сбывшегося» в конкретных пространственно-временных формах смысла. Вместе с тем в силу онтологизации смысл лермонтовского художественного высказывания не возможный, а действительный. Это не мнение, а истина, «регион» бытования которой – произведение как конкретное эстетическое событие. В пределах другого произведения (например, в упомянутом стихотворении Есенина) лермонтовское семантическое «уравнение» уже не будет «работать», так как инкарнированный смысл неотделим от конкретного события эстетической коммуникации и осуществляющегося в контексте этого события эстетического бытия.

Наличие пространственно-временных характеристик обеспечивает *конкретизацию* художественного смысла в форме «бытия, выставленного на обозрение» [Ингарден 1962, с. 79]. Конкретность, конечно, присуща и жизненному осмыслению: в контексте жизненного общения это также прежде всего конкретность *отношения* личности к времени и пространству. Однако конкретизация жизненного смысла не предполагает его онтологизации и зримости. *Отношение* к пространству и времени (как и любое жизненное осмысление-отношение) само по себе не имеет пространственно-временной развернутости. Инкарнация смысла в контексте эстетического общения осуществляется в форме *конкретного пространственно-временного расположения* бытия героев. Это означает, что в эстетическом плане произведения пространство и время не осмысливаются изнутри жизни, а осмысливают жизнь как целое.

В завершение статьи представим сопоставления жизненного и художественного способов осмысления пространства и времени в виде таблицы:

<i>Жизненное осмысление времени и пространства</i>	<i>Художественное осмысление времени и пространства</i>
Соотнесение с позицией (позициями) <i>героев</i> произведения	Соотнесение с эстетическими установками <i>автора и реципиента</i>
<i>Телеологический</i> способ актуализации смысла	<i>Онтологический</i> способ актуализации смысла – инкарнация
Пространство и время (<i>далее – П. и в. – Ю. П.</i>) – координаты осмысления <i>частной</i> жизненной ситуации	П. и в. – координаты жизни героев как смыслового <i>целого</i>
П. и в. – характеристики осмысливающего <i>отношения</i> героя к определенному фрагменту своего бытия	П. и в. – формы <i>расположенности</i> бытия героев как инкарнации его смысла (формы эстетического бытия как самоистолкования)

Литература

- Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. 955 с.
- Бахтин 2012 – *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
- Ингарден 1962 – *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 570 с.
- Каширина 2006 – *Каширина С.В.* Роль художественного пространства в постижении литературного текста // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2006. № 9. С. 180–185.
- Пахсарьян 2017 – *Пахсарьян Н.Т.* Специфика художественного пространства в романах Кребийона // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 1. С. 76–89.
- Пинаев 2015 – *Пинаев С.М.* Время и вечность в поэзии Максимилиана Волошина // Вечность как сюжет / Ред.-сост. С.А. Васильева, А.Ю. Сорочан. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2015. С. 227–234.
- Фуксон 2014 – *Фуксон Л.Ю.* Чтение. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 297 с.
- Gomel 2014 – *Gomel E.* Narrative space and time. Representing impossible topologies in literature. N.Y., L.: Routledge, 2014. 226 p.
- Haekel 2021 – *Haekel R.* The temporality of the soul. Immanent conceptions of time in Wordsworth and Byron // Romanticism and time. Literary temporalities / Ed. by S. Laniel-Musitelli, C. Sabiron. Cambridge: Open Book Publishers, 2021. P. 77–96.
- Janecek 1996 – *Janecek G.* Z@um. The transrational poetry of Russian futurism. San Diego: San Diego State University Press, 1996. 427 p.

References

- Bakhtin, M.M. (2003), *Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 1.* [Collected works. In 7 vols, vol. 1], Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Bakhtin, M.M. (2012), *Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 3.* [Collected works. In 7 vols, vol. 3], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Fukson, L.Y. (2014), *Chtenie* (Reading), Direkt-Media, Moscow, Russia, Berlin, Germany.
- Gomel, E. (2014), *Narrative space and time: representing impossible topologies in literature*, Routledge, New York, USA, London, UK.
- Haekel, R. (2021), "The temporality of the soul. Immanent conceptions of time in Wordsworth and Byron", in Laniel-Musitelli, S. and Sabiron, C. (eds.), *Romanticism and time. Literary temporalities*, Open Book Publishers, Cambridge, UK, pp. 77–96.
- Ingarden, R. (1962), *Issledovaniya po estetike* [Research on aesthetics], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, Russia.
- Janecek, G. (1996), *Z@um. The transrational poetry of Russian futurism*, San Diego State University Press, San Diego, USA.
- Kashirina, S.V. (2006), "The role of artistic space in the comprehension of literary text", *Bulletin of Orenburg State University*, no. 9. pp. 180–185.
- Pakhsaryan, N.T. (2017), "Specifics of artistic space in Crebillon's novels", *Studia Litterarum*, vol. 2, no. 1, pp. 76–89.
- Pinaev, S.M. (2015), "Time and eternity in the poetry of Maximilian Voloshin", in Vasilyeva, S.A. and Sorochan, A.Yu. (eds.), *Vechnost' kak syuzhet* [Eternity as a plot], Batasova Publishing House, Tver, Russia, pp. 227–234.

Информация об авторе

Юрий В. Подковырин, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия; 125190, Россия, Москва, Ленинградский пр-т, д. 80, корп. Е; mail1981@list.ru

Information about the author

Yuri V. Podkovyirin, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 6125047;

Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia; bldg. E, bld. 80, Lenigradsky Av., Moscow, Russia, 125190; mail1981@list.ru